

Казнить нельзя помиловать. О чиновничьем жлобстве и не только

М.М. Поташник

Текст публикуемой статьи автор разослал в города и районы руководителям школ, учителям для экспертизы — может, посоветуют что-то смягчить, что-то убрать или поправить: всё-таки, когда пишешь о безобразном, нужно быть уверенным, что не перегибаешь палку, ничего не написал против истины, никого незаслуженно не обидел. Ответы, которые автор получил, можно разделить на две примерно равные группы. Ответы первой группы сводятся к следующему: «Это точно про наш город (район)», «У нас всё это происходит постоянно» и т.п. Ответы другой группы респондентов автор назовёт и прокомментирует в конце статьи.

Юбилейный концерт

Музыкальному колледжу в одном крупном российском городе исполнилось 100 лет. По этому случаю в самом большом зале — Дворце культуры — колледж давал юбилейный концерт. К выступлению готовились все: нынешние студенты, преподаватели, выпускники прошлых лет, ставшие музыкальными педагогами, хоровиками, инструменталистами, вокалистами. Из областного центра был приглашён известный дирижёр для руководства оркестром колледжа. В фойе была подготовлена фотовыставка истории колледжа, работал киоск с дисками редких записей шедевров мирового музыкального искусства. Между выступлениями участников торжественного концерта — краткие фрагменты истории музыкального колледжа, слайды с фотографиями педагогов, подготовивших тысячи работников российского искусства. В программе вечера — Чайковский, Рахманинов, Шопен, Глинка, Хачатурян, Верди, Гуно...

Пусть читатель представит себе, как старались исполнители, как волновались, какое настроение было в зале (родители, ученики, жители города, гости). Людей было столько, что, как говорят, яблоку негде было упасть. Каждый номер заканчивался овацией. Апофеозом этого праздника музыкального искусства было потрясающее исполнение хора и оркестра (с колоколами) «Славься!» на музыку М. Глинки.

Это — то хорошее, что было. Теперь о другом — о безобразном.

Начало торжества было вынужденно задержано на десять минут из-за того, что вся чиновная знать города опоздала. В зал они вошли нарочито без спешки, не торопясь, степенно, будто ничего неприличного не произошло, будто они благодетельствовали

жителей города своим посещением. Властители сразу поднялись на сцену, хотя директор колледжа пыталась им объяснить, что места для них были оставлены в зале, в первом ряду.

Не поняв ситуации, мэр спросил: «**А где стол для президиума?**». Сконфуженная директор музыкального колледжа снова стала объяснять, что...

Не дослушав, заместитель мэра по социальным вопросам недовольно сказала: «Дайте программу мероприятия», изучив которую, так же недовольно и удивлённо спросила: «**А где тут официальная часть?**». Директор опять принялась объяснять...

Глава города, не дослушав, зло спросил: «**А зачем тогда нас пригласили?**».

«Послушать хороший концерт, порадоваться вместе с нами, оценить наши достижения», — наивно ответила изумлённая директор.

Недовольные чиновники прошли в зал и заняли отведённые им почётные места.

Поскольку руководителям колледжа до юбилейного концерта власти города чётко заявили, что премий и других денег на что-либо, в том числе и на цветы, нет и не будет, организаторы решили официальную часть проводить не отдельно с её обязательными атрибутами — президиумом, докладом, наградами и т.п., а, если можно так выразиться, растворить её между концертными номерами, что очень разумно, если учесть то, как власть предрержащие в стране относятся к культуре, как умеют выступать, поздравлять и т.п.

Иногда лучше бы помолчать

Первой из чиновников на сцену вышла дама — главный специалист (так называется её чиновная должность) Министерства культуры области. Сначала дама извинялась за министра, который о-очень уважает колледж искусств, но не смог приехать лично, поскольку крайне занят. Затем она распаковала коробки с подарками и начала комментировать содержимое каждой вещи. Вещами оказались книги, альбомы, никак не связанные между собой и не имеющие отношения к колледжу, но чиновный искусствовед пыталась убедить зал в том, что это самые хорошие книги и они где-нибудь непременно пригодятся при подготовке будущих музыкантов. Далее покровительница муз из министерства вновь долго извинялась за то, что ей поручено самим Павлом Петровичем (это имя и отчество министра культуры области, которого, видимо, должны знать все), и потому она обязана сейчас зачитать памятный адрес (очень длинный). Во время чтения она искажала фамилии известных в городе людей, городской музыкальный колледж называла областным техникумом (снова извинялась), затем начала торопиться и перешла на скорочтение в манере церковного пономаря, которого уже никто в зале не слушал — все говорили о концертных номерах.

После главной областной жрицы культуры на сцену стали выходить муниципальные чиновники и депутаты областного законодательного собрания: каждый тщетно пытался блеснуть эрудицией и знанием музыкального дела, что получилось карикатурно.

М.М. Поташник

Назнить нельзя помиловать. О чиновничьем жлобстве и не только

Одна из депутаток пообещала, что в областном центре скоро будут строить... ДНК (в зале стали перешептываться и уточнять, что она сказала). Это не шутка, а цитата. ДНК — это, оказывается, «дворец народной культуры».

Другой чиновник объявил, что скоро в область прибудет министр культуры РФ, так его постараются привезти в колледж, чтобы показать «где **родятся** творческие люди» (смех в зале).

Чиновник от Управления по... **физкультуре, спорту и молодёжной политике** посвятила свой пассионарный спич доказательству того, что музыкальный колледж и возглавляемое ею Управление очень близки, так как в колледже учится (дословно) **сплошная** молодёжь.

В заключение глава администрации города долго объяснял залу, что колледж находится именно на **ЕГО** территории и он очень гордится этим (как будто он его создавал). Вспомнил, что эта территория раньше была освоена одним из известных заводчиков и землевладельцев (непонятно, какое это имело отношение к музыкальному колледжу) и, несмотря на юный возраст колледжа (каких-то 100 лет всего), между ними что-то есть. Что именно, глава, разумеется, не уточнил.

Поражало пещерное невежество чиновников: в их выступлениях не было ни слова о музыке, об искусстве, о преподавателях, о студентах, достигших мировой известности. Они говорили бы то же самое и на торжествах машиностроителей, медиков, работников торговли, коммунального хозяйства, полиции...

Все эти до тошноты нудные и карикатурные по содержанию и форме выходы отняли у зрителей и выступающих музыкантов не менее сорока минут. Распорядителям концерта пришлось сокращать программу, так как понятно стало, что выступления гостей совершенно непредсказуемы ни по времени, ни по содержанию. Зал с облегчением вздохнул после того, как все выступившие чиновные бонзы города и области исчерпали свой ресурс любви к культуре и был объявлен антракт.

Срочные дела исключительной важности

Те из VIP-персон, кто не выступал, для приличия лениво аплодировали и всё время посматривали на часы. Так чиновные иерархи дотерпели до перерыва, встали, и кто-то из них оживлённо и заинтересованно спросил: «Куда нам теперь идти?». Директор колледжа стала объяснять, какая в фойе фотовыставка, какие оригинальные киоски они организовали в фойе, где можно приобрести редкие музыкальные записи...

«**А где нам отдохнуть?**» — со значимой иронией уточнил кто-то из властителей, не понимая, что своим вопросом дал понять: присутствие на концерте музыкантов для них не отдых.. Директор сказала, что в фойе работают десять буфетных стоек и потому очередей нет, они спокойно могут выпить по чашечке кофе и т.п.

«**В общем фойе — вместе со всеми?! И за плату?!**» — с искренним то ли изумлением, то ли возмущением переспросил мэр.

Тут трясущийся от страха молодой начальник Управления культуры городской администрации, сообразив, что может с ним произойти, успокоил главу города: «Сейчас всё организуем».

За сценой в отдельной комнате тут же накрыли стол, полный яств, на пятнадцать персон. За счёт бюджетных средств, разумеется. Персоны оказались в привычной для них обстановке,

попросили коньяк, у них явно улучшилось настроение (не от услышанной со сцены музыки, естественно), тем более что (да простит меня уважаемый читатель за нелитературный язык) всё это на халяву. А чиновники, как мы знаем, — это особая категория халявщиков.

Когда начальникам напомнили, что уже был третий звонок, они (разгоряченные спиртным) добродушно распорядились: «Начинайте без нас». Что и было сделано.

Потом весь зал наблюдал, как они нетвердой походкой в промежутке между номерами спускались по ступенькам со сцены и не прошли к отведённым им местам для VIP-персон в первом ряду, а направились, как вы догадались, к... выходу. Ничего не объяснив, ибо все, де, и так должны понимать, что у них срочные дела и только исключительной важности.

Жлобство

Как всё это назвать? Мне представляется, что наиболее точно это выражено словом «жлобство». Явление реально существует, оно всем понятно, но вот определить его достаточно трудно. Попытаюсь это сделать.

Прежде всего, слова «жлоб», «жлобство» пришли в обиходную речь из языка так называемой блатной фени. Уже сам этот факт говорит о том, как низко пали наши российские чиновники, описанные в очерке, и которых в стране, как подтвердили наши рецензенты, немало.

У криминала, «братков» жлоб — это человек жадный (вспомним чиновничью халяву), наглый, пренебрегающий всеми общепринятыми даже для уголовников «святыми» понятиями.

В общеупотребимом понимании жлобство (разговорное, просторечное, заимствованное из блатного жаргона) — слово, означающее комплекс нарочито проявляемых низменных качеств личности, таких, как демонстративное публичное хамство, сопровождаемое бесстыдством, открытым игнорированием общепринятых в сообществе культурных людей этических норм поведения, крайне спесивым и пренебрежительным отношением к людям.

И добавляю: для жлобов, как мы видели, характерны пещерное невежество, цинизм и уверенность в своём превосходстве, обусловленном материальной состоятельностью, но прежде всего — должностным положением и властными полномочиями.

Как написал мне один из рецензентов, чиновничье жлобство — это крайняя степень публичного хамства, признания своего мнимого величия над окружающими и презрения к людям, не находящимся, как они, во власти.

Ф.М. Достоевский очень точно определил их как спесивых подлецов, которые ведут себя так, будто у них «Христос в кармане», что мы и наблюдали на празднике музыкальной культуры.

Имена великих Чайковского, Глинки, Шопена и других гениев человечества и их выдающиеся произведения, которые вдохновенно исполнялись на торжествен-

М.М. Поташник

Назнить нельзя помиловать. О чиновничьем жлобстве и не только

ном концерте музыкального колледжа, остались чуждыми для жлобов, волею судьбы оказавшихся во власти.

Другая группа респондентов, которым я дал читать рукопись очерка, осудила меня, взяв под защиту чиновников-жлобов. Позицию читателей этой группы можно сформулировать так: «Вы несправедливы. Чиновник тоже трудится на благо людей, как может. Да, вели себя многие из них на том концерте не лучшим образом, но всё равно: они наши люди, россияне. А Вы изощённо ёрничаете над ними, едко высмеиваете их, стремитесь унижить. Нельзя так! Где Ваша терпимость? Наконец, где Ваше великодушие?».

Отвечу на это, ибо наверняка кто-то из читателей журнала, особенно те, кто работает во власти, прикормлен или пригрет ею, думает так же.

Обращаю внимание: факт грубого, неприличного, невежественного, хамского, то есть жлобского, поведения чиновников эта группа читателей не отрицает, но она стремится их обелить. Мне это напоминает известную фразу Ф. Рузвельта, который об одном негодяе сказал: «Он, конечно, сукин сын. Но он наш(!) сукин сын».

Тогда возникает естественный вопрос: почему, признавая факты жлобского поведения, некоторые люди берут их под защиту?

Ответ на этот закономерный вопрос дал ещё в 1830 году вечно мудрый А.С. Пушкин:

*Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.*

На обвинение в нетерпимости отвечу нериторическим вопросом, то есть тем, который требует ответа: «Вы призываете терпимо относиться к хамству, чиновной спеси, невежеству — к жлобству?».

А что касается проявления великодушия, то напомним: великодушное прощение — это ценность, которую нужно заслужить.

Так случилось, что текст статьи был показан и главному «герою» — мэру того самого города, где произошли описанные события. Прочитав материал, глава города уверенно произнёс: «Мы всегда управляли и впредь будем управлять вами».

Так это же по сути произнёс министр внутренних дел николаевской России А. Макаров, когда давал отчёт Государственной Думе после трагически известного Ленского расстрела в 1912 году (199 убитых, 350 раненых): «Так было, и так будет и впредь». Именно такая позиция власти всего через пять лет привела к страшной геополитической катастрофе, которую и сам автор этого спесивого и циничного умозаключения не пережил (его расстреляли).

Так что запятую во втором заголовке статьи пусть каждый читатель поставит самостоятельно — там, где считает нужным...

Марк Максимович Поташник,
действительный член (академик) Российской академии образования,
профессор, доктор педагогических наук